

УДК 7.03; 7.07

DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-386-400

EDN: YBIHCK

<https://elibrary.ru/ybihck>

ДАВИД БУРЛЮК В БЕЛОЙ СТОЛИЦЕ. ОМСК. 1919

Ирина Г. Девятъярова

Омский областной музей изобразительных
искусств имени М.А. Врубеля, Омск, Россия,
sanfira9@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выступлениям Д.Д. Бурлюка в Омске во время Большого Сибирского турне в 1919 году. В этот маршрут вошли Златоуст, Сатка, Миасс, Уфа, Екатеринбург, Троицк, Челябинск, Курган, Омск, Томск, Черемхово, Иркутск, Чита, Никольск-Уссурийский, Владивосток — города, в которых установилась антисоветская власть. Бурлюк выступал с лекциями о футуризме, устраивал выставки картин, издавал газету и выпустил футуристический сборник своих стихов. Среди городов турне Омск занимает ведущее место. В работе освещаются малоизвестные факты, определяется круг знакомых, рассматривается вопрос о значении просветительских гастролей Бурлюка для омской творческой молодежи.

Ключевые слова: Д.Д. Бурлюк, Большое Сибирское турне, футуризм, гражданская война, Омск, Белая столица

Для цитирования: Девятъярова И.Г. Давид Бурлюк в Белой столице. Омск. 1919 // Academia. 2026. №2. С. 386–400. DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-386-400

DAVID BURLIUK IN THE WHITE CAPITAL. OMSK. 1919

Irina G. Devyatyarova

M.A. Vrubel Omsk Regional Museum of Fine Arts, Omsk, Russia,
sanfira9@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the performances of David Burliuk in Omsk during his Great Siberian Tour in 1919 which also included Zlatoust, Satka, Miass, Ufa, Ekaterinburg, Troitsk, Chelyabinsk, Kurgan, Tomsk, Cheremkhovo, Irkutsk, Chita, Nikolsk-Ussuriysky, and Vladivostok – cities where the anti-Soviet governments were established. Burliuk gave lectures on Futurism, organized exhibitions of paintings, published a newspaper and a Futurist collection of his poems. Omsk occupies a leading position among the mentioned cities. Little-known facts are highlighted, the circle of acquaintances is determined, and the significance of Burliuk's educational tours for the Omsk creative youth is examined.

Keywords: David Burliuk, Great Siberian Tour, Futurism, civil war, Omsk, White Capital

For citation: Devyatyarova, I.G. (2026), "David Burliuk in the White Capital. Omsk. 1919", *Academia*, 2026, no 2, pp. 386–400. DOI: 10.37953/3033-7615-2026-2-1-386-400

Омск — занимает исключительное место в истории гражданской войны. В середине 1918 года город стал центром сопротивления советской власти на востоке страны и осенью — резиденцией Российского правительства во главе с Верховным правителем адмиралом А.В. Колчаком. Из европейской части России, где установилась новая власть, с конца 1918 года в Омск стали прибывать военные, эвакуированные и многочисленные беженцы. Небольшой степной город у слияния Иртыша и Оми приобрел тогда широкую известность. Над омскими крышами реяли флаги союзных и дружественных держав. Журналист Л.В. Арнольдov писал: «И никогда ни прежде, ни после, Омск не будет столь колоритно красочным, как в описываемый период <...> когда в Омске проживала вся интеллигенция, дворянство, профессора, торговый класс, духовенство из Казани, Самары, Симбирска, из Перми, Уфы, а потом Екатеринбурга, когда в Омске были представители воинских частей и дипломаты чуть ли не половины Европы» [Арнольдov 1935, с. 202, 203].

В самый разгар гражданской войны, в ноябре 1918 года, Давид Давидович Бурлюк (1882–1967) — художник, поэт, один из основоположников русского футуризма, теоретик и пропагандист идей русского авангарда начал свои просветительские гастроли, названные им «Большое Сибирское турне». В его маршрут вошли Златоуст, Сатка, Миасс, Уфа, Екатеринбург, Троицк, Челябинск, Курган, Омск, Томск, Черемхово, Иркутск, Чита, Никольск-Уссурийский, Владивосток. Бурлюк выступал с лекциями о футуризме, чтением произведений своих литературных соратников, устраивал выставки картин и пропагандировал новое искусство в провинциальной прессе, издавал газету и выпустил футуристический сборник. В числе публикаций о Большом Сибирском турне Давида Бурлюка, прежде всего, заслуживает внимания основанный на материалах периодики основательный труд А.В. Крусанова с комментированной хроникой событий [Крусанов 2003, с. 356–377]. При этом в истории футуристических гастролей отважного организатора просветительских акций во время войны и разрухи, остаются недостаточно освещенные факты.

Ил. 1. Д. Д. Бурлюк. Фотография.
Собрание И. И. Галеева, Москва.

В гостях у старого знакомого

Оказавшись весной 1919 года в чужом городе, Д.Д. Бурлюк остановился у Владимира Ивановича Ишерского (1873–1942), который жил с семьей в доме своей тещи А.М. Эзет (урожд. Садиловой) на Конюшенной улице, 3 (сейчас — Раб-коровская, дом не сохранился). Нет сомнений, что именно В.И. Ишерский ввел знаменитого маэстро в планы Общества художников, главной целью которого была организация художественно-промышленного училища и музея имени М.А. Врубеля, убедил его предоставить часть дохода от вечеров-«грандиозаров» в фонд будущего Худпрома. В газете «Заря» сообщалось, что 20% чистого сбора от выступления 4 марта в Политехническом институте поступит в фонд художественно-промышленного училища (школы) имени М.А. Врубеля. «Почтите память Врубеля. Ознакомьтесь с душой века — футуризмом» — призывала омичей газета «Наша заря»¹.

Елизавета Владимировна Ишерская (1906–1982), дочь В.И. Ишерского, вспоминала: «Мои воспоминания о Д. Бурлюке относятся к 1919 году. Бурлюк жил в Омске в доме моей бабушки Александры Максимовны Эзет, где жили и мы — мой отец, мать и мы, дети. Мне было 12 лет, так что запомнилось немного. <...> Бурлюк сидит перед зеркалом, за туалетным столиком моей взрослой двоюродной сестры, пудрит лицо (мужчина — и пудрится!). Затем он нарисовал на правой щеке цветок. Потом попросил у моей бабушки деревянную ложку, вдел ее в петлицу фрака (или пиджака) вместо хризантемы, как тогда было принято у денди. И ушел из дома в таком виде. Тогда в Омске футуристы проводили вечер (поэзии?), на него и уходил Бурлюк. На другой день мама спрашивала (при мне) Бурлюка, зачем он все это проделал, будучи вообще-то простым в обыденном поведении. Он отвечал что-то вроде того, что надо было встряхнуть мещан, обывателей»².

Вечера «Грандиозары»

28 февраля Бурлюк получил разрешение для выступлений — удостоверение за подписью коменданта Омска полковника Е.М. Катаева, являвшегося уполномоченным начальника Западно-Сибирского военного округа по поддержанию порядка и общественного спокойствия в Акмолинской области³.

Литературные вечера-диспуты Давида Бурлюка с командой проходили в аудитории Политехнического института на Костельной улице: лекция-вечер «Грандиозар» (1 марта), «поэзо-лекция» в кружке студентов инженеров-строителей (2 марта), «Экстраординарная лекция-вечер Грандиозар» (4 марта); затем состоялись еще и «Последняя блестящая лекция-футур» (6 марта) и диспут на выставке (9 марта).

Из первых полос омских газет: «Сегодня в 8½ час. вечера состоится 1 грандиозно-экстраординарная лекция — Вечер Грандиозар. Выступят поэты и поэтессы. Состоится диспут о новой жизни и новом искусстве. Эстрада: всем известный художник и поэт — отец российского футуризма знаменитый Давид Бурлюк, Борис Четвериков, Евгений Спасский и др.»⁴.

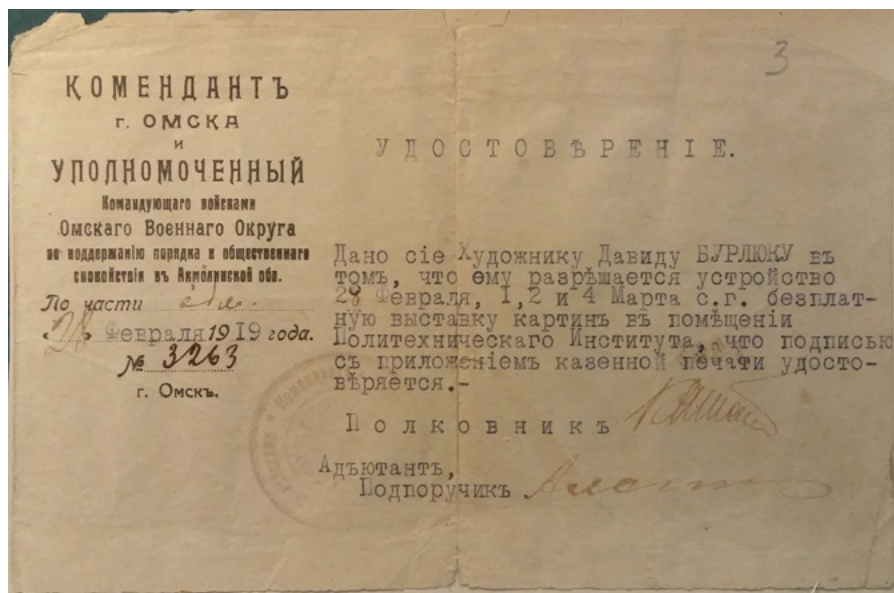
Особенно привлекательным — широкой горизонтальной полосой, с использованием шрифтов различных гарнитур и размеров — в числе прочих был анонс, опубликованный в субботу 1 марта на первой полосе газеты «Сибирская речь»: «Здание Политехнического института. Сегодня 8½час. вечера лекция-вечер. Грандиозар. Часть сбора на сооружение школы имени М. ВРУБЕЛЯ. Выступит известный художник и поэт Отец Российского футуризма Знаменитый ДАВИД

¹ Наша заря. Омск, 1919. №47. 4 марта.

² Ишерская Е.В. О Бурлюке. Воспоминания. Рукопись от 26.06.1979. Архив Башкирского государственного художественного музея имени М.В. Нестерова.

³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

⁴ Сибирская речь. Омск, 1919. №46. 1 марта.

Ил. 2. Удостоверение о разрешении проведения выставки в Политехническом институте за подписью Е.М. Катаева от 28 февраля 1919 года. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

БУРЛЮК. Поэтесса. Поэт футурист Борис Четвериков. Е. Спасский, Маслов и др. Лекция-вечер «ГРАНДИОЗАР». Футуризм единственное искусство современности. Отделение 1: События. Обыватель и искусство. Упадок или расцвет. Слова Ренана (*в анонсе ошибочно Ромена — А. К.*). Бетховен. Неудачи символистов. Бальмонт. Брюсов. Футуристы Каменский — Маяковский. Северянин. Пророчества Гения (см. программы). Отделение 2: ПОЭЗО-КОНЦЕРТ. Игорь Северянин — поэзы. Маяковский — сказки. Хлебников — футуризы. Давид Бурлюк — стихеты. Каменский — разбойничьи песни. Начало ровно в 8½ час. вечер. Число мест ограничено. Желаящие попасть на праздник поэзии благоволят обилечиваться заблаговременно. Сегодня с 12–3 и с 6 ч. При входе в зал»⁵.

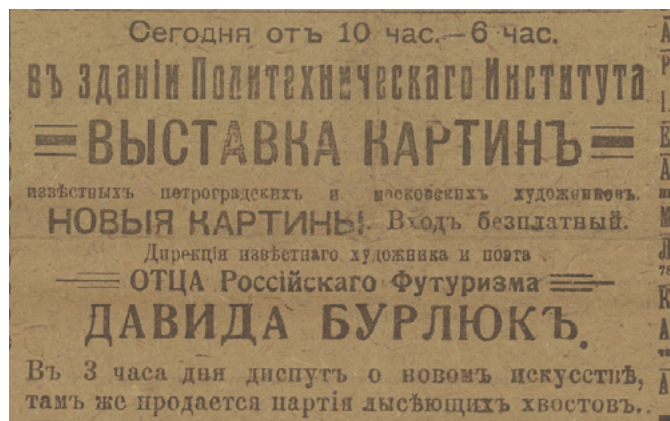
Имя поэта Георгия Маслова в анонсе говорит, безусловно, о его популярности в культурных кругах Белой столицы. Но он, по-видимому, находился в зале, в числе зрителей, и в конце вечера сообщил публике, что «остался очень доволен лекцией Бурлюка и находит ее блестящей...»⁶.

Ил. 3. Омск. Политехнический институт. 1919. Фотография из французского еженедельного журнала «Le Miroir». № от 24.08.1919. Костельная улица. Здание не сохранилось.

⁵ Там же.

⁶ Аргус. Грандиозарь // Сибирская речь. Омск, 1919. №49. 6 марта.

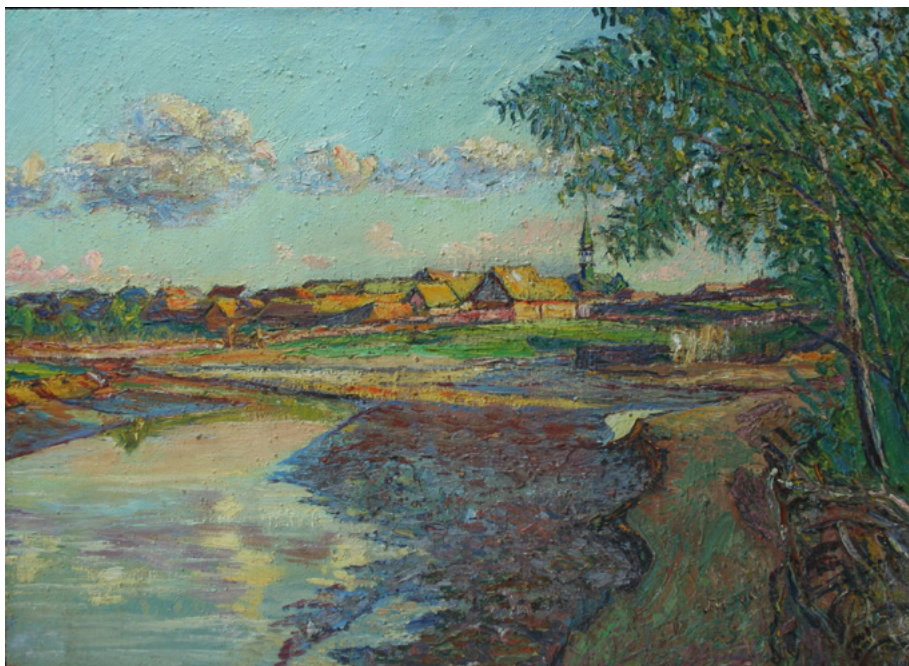
Ил. 4. Сибирская речь. Омск. 1919. № 52. 9 марта — 21 февраля.

Ил. 5. Сибирская речь. Омск. 1919. № 46. 1 марта (16 февраля).

Как и везде, в Омске литературные вечера проходили по определенному сценарию. Пишет Евгений Спасский: «После короткого и сочного доклада Доди, — а говорить он умел образно и остроумно, — мы читали нараспев стихи: он — свои, В. Каменского, Маяковского, а я начал с Северянина, потом Маяковского «Наш марш», из поэмы «Человек» и «Облако в штанах», Хлебникова «Крылышкуя золотописью»... Слушали все очень внимательно, но реагировали всегда так шумно, что казалось зрительный зал начинал колебаться и вот-вот развалится от крика, аплодисментов и свиста» [Спасский 1988, с. 8].

Нить воспоминаний подхватывает Борис Четвериков: «Публика на наших концертах приходила обычно в бешенство. Свистела, улюлюкала, кричала что-то... Бурлюк называл это «дразнить гусей». И тогда начинался диспут. Какой-нибудь заикающийся телеграфист или бывший чиновник консистории проклинал футуристов и говорил, спотыкаясь, экая и мекая, краснея и потея, что это все-таки шарлатанство, что так нельзя, что это даже с одной стороны обидно. Бурлюку только этого было и надо. Посрамленный оппонент замешивался в толпе. Публика грохотала» [Четвериков 2013, с. 4]. Журналист Аргус (псевдоним А.М. Громова) после выступлений Бурлюка писал в обширной статье: «Трижды выступал перед омской публикой „отец футуризма“ Давид Бурлюк. И трижды говорил одно и то же, доказывая, что футуризм — единственное, самое настоящее и самое новое искусство современности. И каждый раз публика валом валила на его лекции, посмотреть на залетную „знаменитость“. Зал переполнен — заняты все проходы. <...> И вот, наконец, начинается „выход“. Впереди — Бурлюк, напудренный с подведенными глазами, накрашенными бровями, с фальшивым румянцем на щеках, как старая кокотка. На нем скромный черный мешковатый сюртук, в руках — лорнет с одним стеклом, и на щеке едва заметный контур рыбы! Из-за расстегнутого сюртука виднеется красный, вышитый жилет. За Бурлюком — шествует футурист Спасский с черными бачками и тоже в красном жилете. На лбу его нарисованы синей краской собаки. Он почему-то удивительно напоминает цыгана. За Спасским — третий футурист Четвериков,

Ил. 6. Д. Д. Бурлюк. Деревня вечером. 1917–1918. Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля

рахитичный молодой человек, в скромной черной курточке. И, наконец, — ставший прихвостнем Бурлюка в Омске — «гордость Сибири», «национальный Гений» Антон Сорокин. На его лице — расплывчатая торжествующая улыбка. <...> Медленно усаживаются. Затем Бурлюк встает, скидывает лорнет, медленно обводит глазами собравшихся, как опытный актер, и выпаливает рычащим голосом: — Я попробую вбить в вашу мягкую душу из глины и мусора — гвоздь! И на этот гвоздь я повешу прекрасную картину нового искусства.

И начинает говорить о единственном искусстве современности — футуризме. Надо отдать ему справедливость — он прекрасный оратор и умеет владеть аудиторией. Он, без сомнения, образован и талантлив. Его речь остроумна. Он постоянно пересыпает ее цитатами из футуристической поэзии.

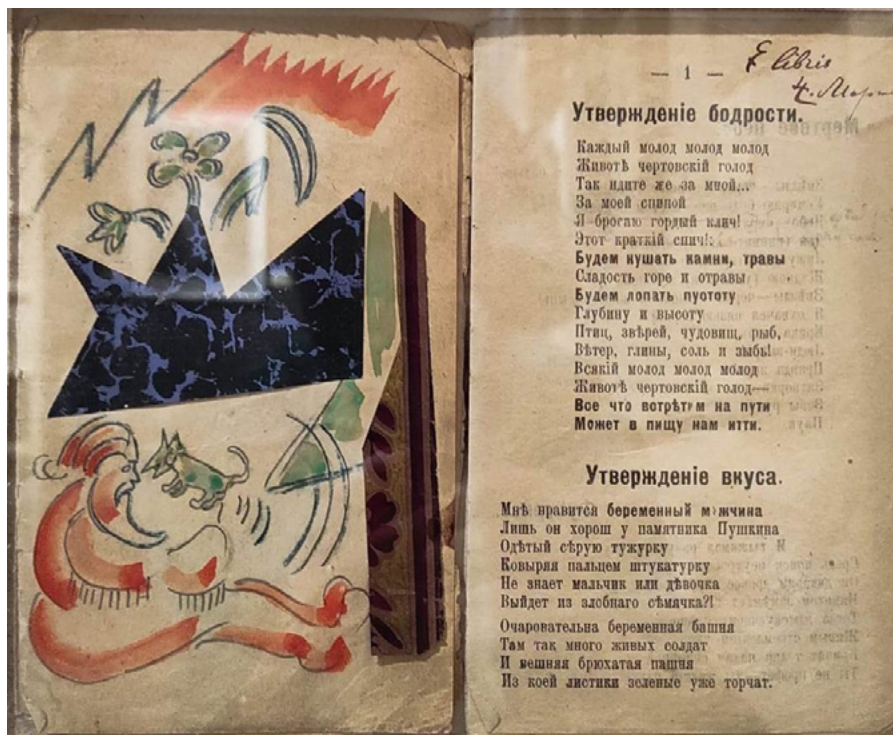
— Теперь не времена Рафаэля, когда кисточка любовно выводила какой-нибудь хвостик. Эти времена прошли безвозвратно, — кричал Бурлюк, потрясая лорнетом. — Мы пришли, мы творцы новой жизни и прямо из ведра плещем краски бодрости и жизни в вашу больную расплывчатую душу.

Маяковского он называет пророком, который предсказал в своих стихах революцию еще два года тому назад — «Сегодня надо кастетом кроиться миру в черепе!» — цитирует Бурлюк Маяковского и добавляет: — Это написано за два года до революции, а кажется, будто вчера или сегодня!

Затем он любезно доводит до сведения аудитории, что Маяковский был такой прилежный, способный, что уже шестнадцати лет знал наизусть «Капитал» Маркса.

— „Все искусство — всему народу“, вот лозунг, — выкрикивает „отец футуризма“, — за который мы боролись и боремся! Число последователей футуризма растет ежедневно! <...> Да, наш новый источник, быть может, пока и непонятен, но несомненно, что он животворящ! „Грандиозарь“ футуристов затянулся до 12 часов ночи. Публика стала расходиться, не дожидаясь окончания»⁷. Уместно привести строки из книги мемуаров Виктора Уфимцева, в то время ученика студии петроградского художника А. Н. Клементьева: «Алексей Николаевич Клементьев называл футуристов шарлатанами и рассказывал об их шумных скандалах в Питере и в Москве. Он советовал ухо держать остро, и мы подготовились основательно. — Не дадим издеваться над чистым искусством! Набив карманы всякой дрянью, отправились на лекцию Бурлюка. В зале, завешанном

⁷ Аргус. Грандиозарь // Сибирская речь. Омск, 1919. №49. 6 марта.

Ил. 7. Страницы из книги Д. Д. Бурлюка «Лысеющий хвост». 2-е изд. М. [Курган], 1919. С рисунком и автографом автора. Архив Л. Н. Мартынова, Москва.

чудовищными картинами, заняты были все места. Наружность у футуристов была вызывающе необычна. Малиновые с разводами жилеты под черными сюртуками, деревянные ложки в петлицах, на лицах — у кого рыба, у кого собака, у кого треугольник. <...> Он рекомендует участников вечера. Не верю глазам! Это же мои знакомые! Вот тихий и скромный Всеволод Иванов. Вот молодой поэт Спасский. Но больше всего поразило, когда в шикарно одетой поэтессе я узнал нашу соседку по квартире девушку Веру. С каким невозмутимым достоинством держались они сейчас перед ярко освещенным залом! <...> Бурлюк не читал стихи, он бросал их, бросал, как кирпичи, и смотрел единственным глазом на обалдевшую аудиторию. Сладким и жидким голосом он читал Пушкина:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв.
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

И вдруг громовым басом взревел: — Нет! Мы рождены не для звуков сладких, не для вдохновенья и молитв, а именно для битв! При этом он так грохнул кулаком по столу, что вода из стакана ракетой взлетела в потолок» [Уфимцев 1973, с. 29, 30].

Гимназист Леонид Мартынов, будущий поэт, не был на выступлениях, так как воспитанникам гимназий запрещалось посещать развлекательные заведения и мероприятия. Но на вечер Бурлюка пришел его старший брат Николай, поэт (псевдоним Семенов) и даже купил книжечку с эпатирующим названием «Лысеющий хвост». Справа вверху он подписал: «Ex libris. Н. Мартынов». Позже это издание оказалось в архиве Л. Н. Мартынова, который дорожил раритетом. Спустя несколько лет он вспоминал: «Мы, сибиряки, знаем Давыда Давыдовича Бурлюка, главным образом, по его достопамятному турне по Сибири весной 1919 года. Бурлюк, пробиваясь из голодной Москвы на экзотический Дальний Восток, попутно останавливался в наиболее оживленных городах, лежащих у сибирской железнодорожной магистрали, и давал шумные поэзо-концерты. Бурлюка сопровождали соратники, молодые люди с разрисованными физиономиями. На поэзо-концертах эти ребята голосили Северянина. Сам же Бурлюк

рычал Маяковского и распространял собственную книжечку под названием „Лысеющий Хвост“. Несколько слов об этой книжечке. Маленькая, отпечатанная на серой оберточной бумаге, снабженная иллюстрациями, сделанными от руки (очевидно, тираж был незначительный), та книжечка все же производила довольно приятное впечатление»⁸. Об одном из вечеров Бурлюка рассказал Евгений Белов (псевдоним Е.И. Шамурина): «В первый раз мне пришлось видеть футуристов несколько лет тому назад. Тогда их выступление произвело тягостное, неприятное впечатление. Было больно за родное искусство, за восторги толпы, в лицо которой бросались кощунственные слова.

С тех пор многое переменилось. С одной стороны, футуризм сам по себе выкристаллизовался, внутренне изменился и, отбросив от себя все наносное и случайное, приобрел известное право гражданства в искусстве. С другой — теперь, после всего пережитого в последние годы, как-то вообще отвык трагически воспринимать явления жизни. Вечер Бурлюка 4 февраля⁹ оставил совершенно другое впечатление. Бурлюк — человек, бесспорно, способный и умный, но он очень слабый поэт. По тому, какие иногда искры подлинного поэтического огня вспыхивают в его лекции, с каким удовольствием и чувством цитирует он корифеев русской и западноевропейской литературы, видно, что сам он «для себя» любит и ценит не только «футуристические», но и прежнее, старое искусство, стоявшее выше современности, выше всех времен и народов, что он отлично понимает его.

Но Бурлюк вместе с гастролирующим с ним же абсолютно бездарным Борисом Четвериковым и К° по своим, не имеющим ничего общего с чистым искусством, соображениям, „для публики“ рисует на щеках шутовские фигурки, надевает шутовской колпак в виде красного жилета и розовой кошки в петлице и забавляет публику так, как в свое время ее забавлял Анатолий Дуров. Бурлюк чрезвычайно находчив и остроумен, он прекрасный комик, он великолепный имитатор Северянина и Маяковского. И если не относиться к его трюкам серьезно, как отнеслась небольшая часть публики, можно было весь вечер весело и простодушно хохотать»¹⁰.

Выставка: «надо было встряхнуть мещан, обывателей»

Не менее дискуссионной и громкой была выставка московских и петроградских художников, открытая в Политехническом институте сразу же, одновременно с первым вечером. Вспоминает Евгений Спасский: «Бурлюк отличался невероятной энергией. Через час после приезда в город он находил помещение для выставки и концертов. В тот же день давал в местную газету статью о футуризме. Вечером мы развешивали картины, и в 10 часов утра был вернисаж. При чем мы с утра и до 12 часов дня, надев свои пестрые жилеты, гуляли по городу, привлекая тем самым большую толпу народа. Около часа дня мы возвращались на выставку с шумной толпой» [Спасский 1988, с. 8].

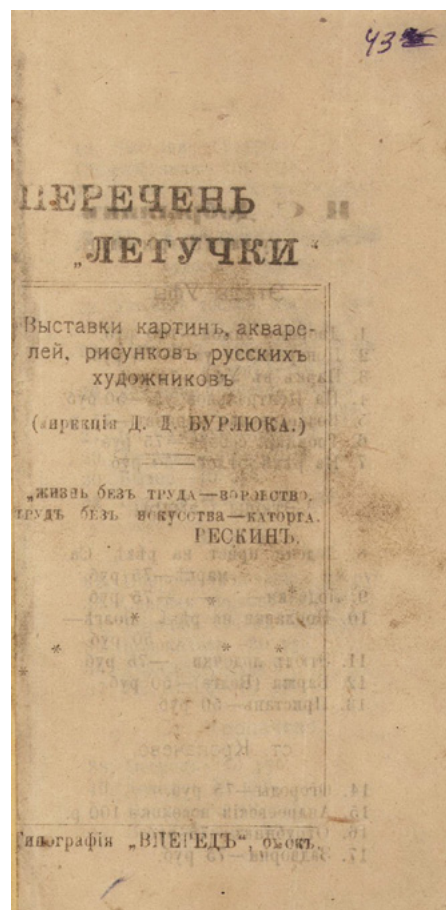
Список участников выставки Бурлюка и перечень их работ представляет крошечный по формату каталог — «Перечень „летучки“ выставки картин, акварелей, рисунков русских художников»¹¹. На сложенных вдвое двух квадратных листках размером 13×13 сантиметров опубликован список художников с указанием города их проживания, названия произведений с их стоимостью. Здесь кроме пейзажей и этюдов художников реалистического направления экспонировались авангардистские произведения самого Бурлюка, а также Н.К. Калмакова, Н.И. Кульбина, Д.П. Мещерякова, Е.Д. Спасского. Это миниатюрное издание

⁸ Леонид Мартынов. Бурлюцкий голос // Рабочий путь. Омск, 1927. №278. 4 декабря.

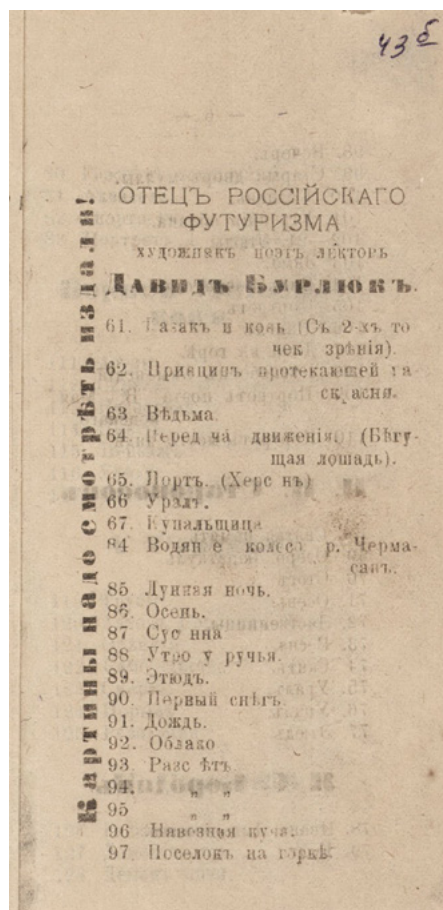
⁹ Ошибка: вечер прошел 4 марта.

¹⁰ Белов Е. Футуристы в Омске // Русская армия. Омск, 1919. 6 марта. Е. Белов — псевдоним Е.И. Шамурина.

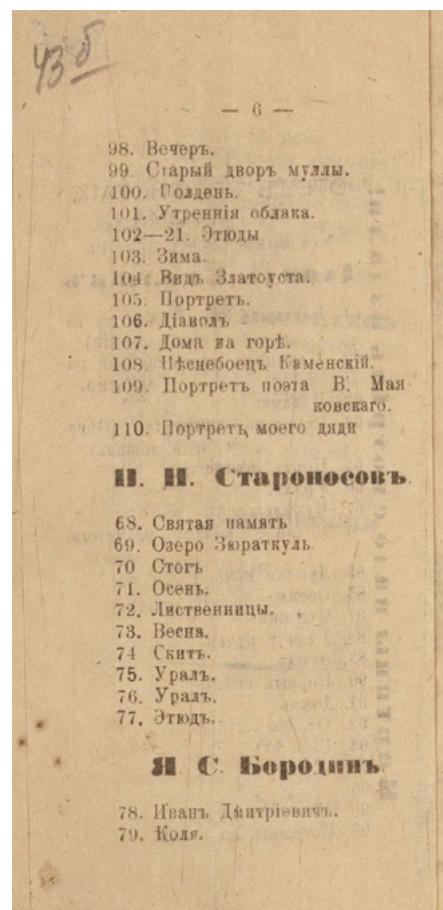
¹¹ Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1073. Оп. 1. Д. 367. Л. 43–43 в об. Перечень «летучки» выставки картин, акварелей, рисунков русских художников / дирекция Д.Д. Бурлюка / Омск: Тип. «Вперед», 1919.

Ил. 8. Перечень летучки выставки картин, акварелей, рисунков русских художников. Дирекция Д. Д. Бурлюка. Типография «Вперед». 1919. Омск. Исторический архив Омской области (ГИАОО).

Ил. 9. Перечень летучки выставки картин, акварелей, рисунков русских художников. Дирекция Д. Д. Бурлюка. Типография «Вперед». Омск. 1919. Исторический архив Омской области (ГИАОО).

Ил. 10. Перечень летучки выставки картин, акварелей, рисунков русских художников. Дирекция Д. Д. Бурлюка. Типография «Вперед». Омск. 1919. Исторический архив Омской области (ГИАОО).

появилось уже после открытия выставки и, вероятно, по инициативе писателя, в будущем автора исторических романов В.Г. Янчевецкого (Яна). Он был редактором фронтовой газеты «Вперед», типография которой размещалась в вагонах на городской ветке.

Большое место в экспозиции заняли великолепные железные вывески, собранные Бурлюком в соседнем городке Петропавловске и с большими трудностями привезенные в Омск. Четвериков с восхищением вспоминал: «Какие крендели красовались на них, какие стеариновые свечи! И какое красноречие, какая орфография заполняла эти памятники былого! Эти вывески нравились всем даже, пожалуй, больше, чем картины, около них всегда стояла кучка любопытствующих» [Четвериков 2013, с. 4].

Из воспоминаний Евгения Спасского известно, что в каждом городе Бурлюк исполнял для продажи «Портрет моего дяди». «Он делал его быстро в гостинице, вклеивая куски газеты в разорванное углами лицо, имеющее три глаза, два носа, и так далее. Сам я, — пишет Спасский, — относился к исканиям новых форм очень серьезно, и подобное легкомысленное отношение Доди меня немного шокировало» [Спасский 1988, с. 8].

Экспонировался один из таких скандальных портретов и в Омске. Возможно, именно он затем показывался на выставке в Иркутске, был приобретен местным обществом художников и позднее передан в Иркутский областной художественный музей имени В.П. Сукачева. Эпатажный портрет выражал основной принцип футуристической живописи, заключающийся в одновременном изображении различных фаз движения, и входил в число показательных экспонатов, которые убедительно иллюстрировали выдвигаемые на футур-лекциях положения.

Обстоятельный обзор выставки дал под псевдонимом Аргус журналист А.М. Громов: «...На днях эти господа от „ослиного хвоста“ появились и в Омске во главе со „знаменитым“ Давидом Бурлюком. В здании Политехнического института они устроили выставку картин. Выставка крошечная — всего около ста произведений. С утра до вечера — выставка была битком набита публикой. Еще бы — футуристы не каждый день бывают в Омске!.. Но публика ошиблась — выставка оказалась не совсем футуристической. На ней было преобладающее количество рисунков (акварелей) чисто реалистических и импрессионистских, футуристических же в полном смысле этого слова — было всего-навсего штук десять-пятнадцать <...> Останавливают внимание несколько красочных, сочных пейзажей самого г. Бурлюка. В них нет ничего футуристического. В этих картинах г. Бурлюк — талантливый импрессионист и ничего больше. Рядом с импрессионистскими работами его красуются и футуристические. Описывать их и судить о них — дело безнадежное. Что можно сказать о разноцветных квадратах, ломаных линиях, кругах, полукругах и пр.? Рядом висящие импрессионистские картины словно говорят: — «Это дурачество г. Бурлюка...». Да, но дурачество это длится уже много лет...

Творения футуриста г. Спасского представлены в виде картонов, старательно, по-детски, разрисованных квадратами... Его попытки стать импрессионистом оказались неудачными («Женщины в бане»). <...> Почему-то на выставке над дверями висит тряпица, именуемая «панно», а дальше — кусок парусины и несколько обрывков кружев (цена 2000 руб.). Не соблазнились ли гг. футуристы лаврами омских различных комиссионных бюро и не взяли ли эти вещи на комиссию?»¹².

Публика охотно посещала организуемые Бурлюком вечера, объяснение чему находим у Бориса Четверикова: «...приезд футуристов напоминал собравшимся в Омске беженцам из центральной России недавнее спокойное время, их благополучие, напоминал о былой жизни, о былых литературных спорах, былых скандалах, о покинутых городах... а после каждого нашего концерта за кулисы ломилось множество самых разнообразных людей, желающих с нами познакомиться, поговорить и пригласить нас к себе на ужин [Четвериков 2013, с. 4–5].

Круг почитателей

В очерке «Литература и художество в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–1922 гг.)», изданном в Берлине, Д.Д. Бурлюк вспомнит тех, с кем встречался во время Большого Сибирского турне, кто входил в его круг и был им отмечен.

Один из них — писатель Антон Семенович Сорокин (1884–1928) — главный персонаж мартовских выступлений Давида Бурлюка [Девятьярова 1999, с. 20–21]. Давид Бурлюк подружился с Антоном Сорокиным и часто бывал в его доме на Лермонтовской улице. В один из таких памятных дней исполнены карандашные портреты гостеприимного хозяина дома и его жены Валентины Михайловны (ООМИИ имени М.А. Врубеля). Добродушный очкарик с заросшими редкой щетиной острыми скулами на карандашном портрете Бурлюка мало похож на возмутителя спокойствия и *enfant terrible*, о котором писала омская пресса. Из мемуарных новелл писателя Сорокина известно, что во время пребывания в Омске в марте 1919 года Бурлюк рисовал Верховного правителя адмирала А.В. Колчака¹³. «Отец российского футуризма» выдал Сорокину декларативную грамоту: От Всероссийской федерации футуристов. Национальному великому писателю и художнику Сибири Антону Сорокину. Извещение. Я, Давид Бурлюк, отец российского футуризма, властью, данной мне великими вождями нового искусства, присоединяю Вас, Антон Сорокин, к В.Ф. Ф. Приказываем отныне именоваться в титулах своим великим художником, а не только писателем, и извещаем, что отныне ваше имя вписано будет и будет упоминаться

¹² Аргус. От ослиного хвоста // Сибирская речь (Омск). 1919. № 47. 4 марта (19 февраля).

¹³ Сорокин А.С. Скандал двадцать восьмой. ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 464. Л. 49, 50.

Ил. 11. Д. Д. Бурлюк. Портрет А. С. Сорокина. 1919. Картон, графитный карандаш, акварель. Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля.

в обращениях наших к народу: Давид Бурлюк, Василий Каменский, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Игорь Северянин и Антон Сорокин. Подписал действительный член, учредитель общества «Бубновый валет», член Президиума московских художественных организаций Давид Давидович Бурлюк, скрепил Евгений Спасский [Сорокин 2011, с. 44–45].

Существуют и более серьезные доказательства признания Бурлюком талантов сибирского литератора. Подводя итог своему пребыванию в Омске, Бурлюк напишет: «В Омске я встретил „короля писательского“ Антона Сорокина. В нем не только юрочность, но и несомненное крупное литературное дарование. В Антоне Сорокине — природный футурист, в нем все особое, оригинальное. Он служил, и очень пунктуально, в управлении железной дороги, имел собственный дом, сдавал квартиры, но при „правильной жизни“ все свободное время занимался или писательством, или же рисованием композиций фантастического характера. В Сорокине Сибирь имеет оригинального художника-графика, фантаста» [Бурлюк 1922, с. 45]. Работы Антона Сорокина Бурлюк включил в экспозицию своей передвижной выставки, о чем свидетельствует ее крошечный каталог (119. Трубы. 120. Антон Сорокин и толпа. 121. Орхидея. 122. Самоубийство. 123. Смерть. 124. Порыв. 125. Революция)¹⁴.

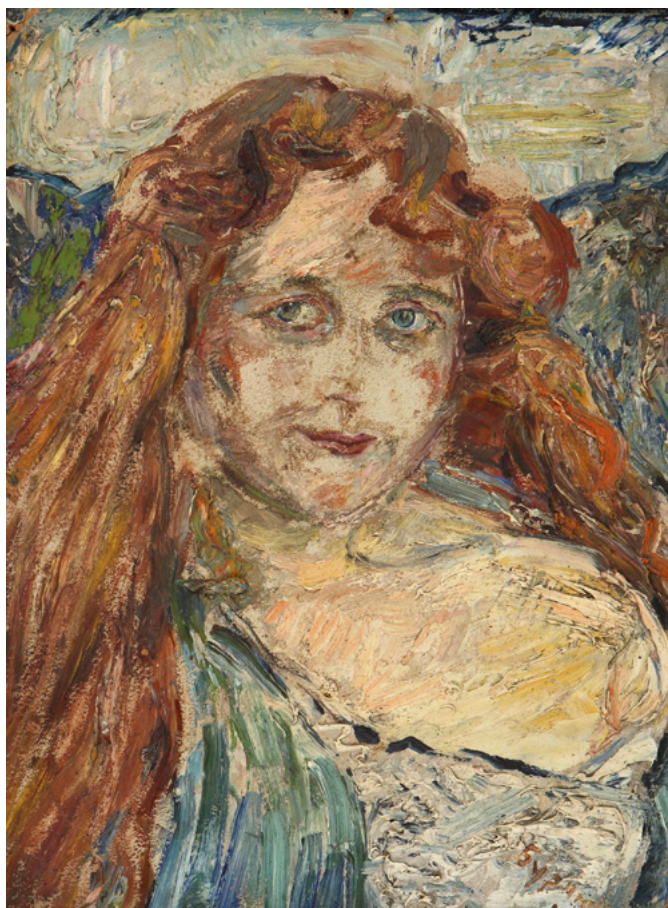
В круге почитателей Бурлюка оказался и Ф. А. Васильев — литератор, собиратель произведений искусства и художник-любитель. Он заказал портреты дочерей Аллы и Эли, которые были представлены на Третьей весенней выставке

¹⁴ ГИАОО.Ф. 1073. Оп. 1. Д. 367. С. 7. Перечень «летучки» выставки картин, акварелей, рисунков русских художников / дирекция Д. Д. Бурлюка / Омск: Тип. «Вперед», 1919.

Ил. 12. Дом писателя А.С. Сорокина. Фотография. Омск, Лермонтова 28а. Архив Г.Д. Фролова, Омск.

Общества художников и любителей изящных искусств степного края. В каталоге этой выставки они указаны так: «Порт[рет] Аллы, раб[оты] Бурлюка. Эля Бурлюка»¹⁵. Местонахождение портрета Эли неизвестно. А портрет Аллы чудом сохранился. В декабре 2020 года музей имени Врубеля купил у московского

Ил. 13. Д. Д. Бурлюк. Портрет Аллы Васильевой. 1919. Картон, масло. Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля.

¹⁵ Общество художников и любителей изящных искусств Степного края. Третья весенняя выставка: каталог. Омск, 1919. С. 6.

Ил. 14. Графиня Нина Подгоричани в костюме Пьеро.
Фотография. Архив Б.С. Каплана, Москва.

коллекционера Юрия Смирнова один из этих экспонировавшихся портретов. На нем изображена молодая женщина с длинными каштановыми волосами и обнаженным левым плечом. Динамичное движение кисти, широкий пастозный мазок создают тяжелую фактуру и брутальность красочного слоя. По контрасту с ним написано девичье лицо: тонкими розовыми слоями краски с просвечивающими участками основы. Крупноватый нос модели не прописан (возможно, по просьбе заказчицы), внимание на нем не акцентируется. Справа внизу подпись: «Бурлюк 1919». В 1993–1994 годах владелец приобрел это произведение на московском аукционе Альфа-Арт, на выставки не давал. В документах по передаче картины в Омский музей она была указана как «Портрет неизвестной». В результате успешной исследовательской работы модель была идентифицирована автором статьи и обрела свою забытую биографию [Девятьярова 2015, с. 123–126].

Алла Федоровна Васильева (1902, д. Екимово Островского района Псковского округа, по другим источникам — Верхнеудинск, — 1982, Москва) в 1918 году приехала с семьей в Омск. Училась во второй женской гимназии, в 1921 году поступила в Художественно-промышленный техникум на живописное отделение. В Москве окончила Вхутеин (1929) и занималась портретом и оформительским искусством.

В числе поклонников Давида Бурлюка оказалась и поэтесса графиня Нина Подгоричани, приславшая «изящное, по всем правилам светского этикета приглашение» на вечер 4 марта 1919 года. Нина Михайловна жила в доме своего отца действительного статского советника сенатора Правительствующего Сената графа М.А. Подгоричани-Петровича. Он был связан с Омском по службе, потому и для Нины Михайловны этот сибирский город, где прошли ее отроческие годы и где она окончила гимназию, не был чужим. С августа 1914 года из-за болезни она лечилась на курортах Европы, в 1915 году поселилась в Москве. В 1916 году в связи с обострением туберкулеза, жила в Крыму, откуда, вероятно, к осени

1917 года переехала к родителям в Омск. «Наивозможнейшая роскошь» обстановки, вышколенная прислуга, барский образ жизни, о чем с восторгом пишет Четвериков [Четвериков 2013, с. 5–6] объясняются, пожалуй, статусом отца. В 1938 году была арестована по обвинению в подготовке покушения на наркома иностранных дел М.М. Литвинова, пережила 17 лет лагерей и ссылок [Подгоричани 2015]. Вечер был устроен Ниной Подгоричани, безусловно, в честь Давида Бурлюка. Антон Сорокин вспоминает в «Скандале девятом»: «У поэтессы графини Подгоричани званый вечер. Министры, профессор Денике, Давид Бурлюк, придворный писатель Сергей Ауслендер и другие, всего человек сорок» [Сорокин 2011, с. 58].

На пути в Америку

Таким образом, Большое Сибирское турне – яркая страница в биографии Бурлюка. Свой рискованный вояж «отец российского футуризма» объяснял стремлением спасти семью от непредсказуемых бедствий братоубийственной трагедии. Преследуя при этом и меркантильные цели, он не догадывался, какой значительный след оставит в сердцах сибиряков. «С вечера я ушел футуристом», — напишет в воспоминаниях Виктор Уфимцев, создавший вскоре союз вольнодумцев «Червонная тройка». Его друг Борис Шабль-Табулевич отныне будет называть себя учеником Бурлюка. Испытал его влияние и склонный к символизму Николай Мамонтов. Организованные Бурлюком в экстремальных социально-политических условиях выступления и выставки имели большой общественный резонанс и явились важной вехой истории российской культуры.

Литература

1. Арнольдов 1935 — Арнольдов Л.В. Жизнь и революция: гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935. С. 202, 203.
2. Бурлюк 1922 — Бурлюк Д.Д. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–1922). (Заметки и характеристики очевидца) // Новая русская книга (Берлин). 1922. №2. С. 45.
3. Девятьярова 1999 — Девятьярова И.Г. Дом писателя Антона Сорокина. Омск: ООМИИ им. М.А. Врубеля, 1999. С. 20–21.
4. Девятьярова 2015 — Девятьярова И.Г. Омская модель Давида Бурлюка. Атрибуция женского портрета из частного собрания // XIX научная конференция «Экспертиза и атрибуция» произведений изобразительного и прикладного искусства. 26–28 ноября 2014 г. Материалы. М.: Магnum-Арс, Государственная Третьяковская галерея, 2015. С. 123–126.
5. Крусанов 2003 — Крусанов А.В. Русский авангард 1907–1932 (Исторический обзор). М., 2003. Т. 2. Кн. 2. С. 356–377.
6. Подгоричани 2015 — Подгоричани Н. Четки из ладана; Шахматные стихи / Сост., подгот. текста, прим. А.Р. Кентлера и В.В. Нехотина. М.: Мосты культуры, 2015.
7. Сорокин 2011 — Сорокин А. Тридцать три скандала Колчаку / Подгот. текста, прим. и предисл. И.Е. Лощилова, А.Г. Раппопорта. СПб., 2011. С. 44, 45, 58.
8. Спасский 1988 — Спасский Е.Д. Мы были полны надежд // Огонек. 1988. №50. С. 8.
9. Уфимцев 1933 — Уфимцев В.И. Говоря о себе. Воспоминания. М., 1973. С. 29–30.
10. Четвериков 2013 — Четвериков Б.Д. Стежки-дорожки. Повесть о человеке XX века // Клио. М., 2013. №6 (78). С. 4–6.

References

1. Arnoldov, L.V. (1935), *Zhizn i revolyutsiya: groza pyatogo goda. Bely Omsk* [Life and Revolution: The Thunderstorm of 1905. White Omsk], Shanghai, pp. 202–203.
2. Burlyuk, D.D. (1922), "Literatura i khudozhestvo v Sibiri i na Dalnem Vostoke (1919–1922). (Zametki i kharakteristiki ochevidtsa)" [Literature and Art in Siberia and the Far East (1919–1922) (Notes and Characteristics of an Eyewitness)], *Novaya russkaya kniga* (Berlin), no 2, p. 45.
3. Chetverikov, B.D. (2013), *Stezhki-dorozhki. Povest o cheloveke XX veka* [Stitches and paths. A Tale of a Man of the Twentieth Century], *Klio*, Moscow, no 6 (78), pp. 4, 4–5, 5–6.

4. Devyatiarova, I.G. (2015), "Omskaya model Davida Burlyuka. Atributsiya zhenskogo portreta iz chastnogo sobraniya" [Omsk Model of David Burliuk. Attribution of a Female Portrait from a Private Collection], *Proceedings of the scientific conference "Ekspertiza i atributsiya" proizvedeniy izobrazitelnogo i prikladnogo iskusstva*. Moscow: Magnum-Ars, Gosudarstvennaya Tretiakovskaya galereya, pp. 123–126.
5. Devyatiarova, I.G. (1999), *Dom pisatelya Antona Sorokina* [The House of the Writer Anton Sorokin], Omsk: OOMII im. M.A. Vrubelya, pp. 20–21.
6. Krusanov, A.V. (2003), *Russky avangard 1907–1932 (Istorichesky obzor)* [Russian Avant-garde 1907–1932 (Historical Review)], Moscow, V. 2, Book 2, pp. 356–377.
7. Podgorichani, N. (2015), *Chetki iz ladana; Shakhmatnye stikhi* [Incense Beads; Chess Poems] Compiled by A.R. Kentlea, V.V. Nekhotin (Eds. Moscow: Mosty kultury.
8. Sorokin, A. (2011), *Tridtsat tri skandala Kolchaku* [Thirty-three scandals for Kolchak] Preparation of the text, notes and foreword by I.E. Loshchilov, A.G. Rappoport, St Petersburg, pp. 44, 45, 58.
9. Spassky, E.D. (1988), *My byli polny nadezhd* [We were full of hope], *Ogonek*, no 50. p. 8.
10. Ufimtsev, V.I. (1973), *Govorya o sebe. Vospominaniya* [Speaking about myself. Memories], Moscow, pp. 29–30.

Информация об авторе

Ирина Г. Девятъярова, кандидат исторических наук, Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, Омск, Россия; 644043, Россия, Омск, ул. Ленина, д. 3; sanfira9@mail.ru

Author Info

Irina G. Devyatyarova, Cand. of Sc. (History), Omsk Museum of Fine Arts named after M. Vrubel, Omsk, Russia; 3 Lenin St, 644043 Omsk, Russia; sanfira9@mail.ru